

Шараб-Веригина, также вероятно „подложная“ и тоже неизученная.¹ Предшественниками их в XVI веке можно назвать челобитные И. С. Пересветова, а также дипломатическую переписку Грозного. В произведениях XVI века их „деловая“ форма еще не утратила полностью своего служебного значения; „челобитные“ подавались, дипломатические послания отсылались их адресатам. Однако по содержанию эти челобитные и дипломатические грамоты были публицистическими произведениями, с самого начала рассчитанными на широкий круг читателей.

Отличие произведений XVII века, в частности „Повести о двух посольствах“, в том, что форма деловых документов теряет в них всякий практический смысл, сохраняет значение только как литературный прием. Элемент деловой в содержании произведения почти полностью вытесняется элементом литературным, художественным. Произведения XVI века, связанные с формой деловой письменности, как правило, писались авторами от своего имени. В XVII веке авторы подчас пишут от имени известных исторических лиц. Так появляются „подложные“ переписки Грозного с турецким султаном.

* * *

Тип публицистического литературного произведения в форме делового документа был выдвинут в начале XVII века самой жизнью. В период восстания Болотникова и польско-шведской интервенции идеологическая борьба играла огромную роль. К литературной агитации прибегали все борющиеся классы и политические группировки. Воззвания от имени восставших рассылались из лагеря Болотникова; эту же форму обращения к населению использовал и Лжедмитрий I. Известны грамоты патриарха Гермогена с призывом бороться против поляков, пересылались письмами целые города в период организации народного ополчения. „Подметные письма“ исходили из среды демократических ремесленно-торговых и служилых кругов. В форме такого агитационного подметного письма была написана „Новая повесть“, в которой анонимный автор-патриот призывал всех православных подняться на борьбу с поляками и изменниками.

„Повесть о двух посольствах“ сближается с произведениями периода польско-шведской интервенции и появившимися несколько позже, во-первых, своей агитационной направленностью и, во-вторых, использованием форм документов деловой письменности, продолжая уже сложившуюся традицию.

В понимании автора главнейшие политические вопросы, затронутые в произведении, — о восстановлении международного престижа Русского государства, о защите интересов дворянства, о сильной царской власти, об отношении к событиям „Смуты“, — были тесно связаны, зависели один от другого и не могли решаться друг без друга. Поэтому трудно сказать, что из всего этого входило в основной замысел автора, тем более что в „Повести“ эти вопросы затронуты среди рассказов о занимательных событиях посольств. О „Смуте“, например, вспоминается в завуалированной форме предсказания. В этой связи рассказанная Максимилианом притча о сыне мертвой матери выглядит аллего-

¹ ГПБ, Рукописный отдел, Q XVII № 20; ГИМ, собрание А. С. Уварова, № 1879 (137), 4°.